

На правах рукописи

ПАНКРАТОВ Александр Валерьевич

**ПРАКТИЧЕСКОЕ И ОБЫДЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ:
ПОЛИПОСРЕДОВАННОСТЬ, СУБЪЕКТНОСТЬ И
СТРАТЕГИЧНОСТЬ**

**Специальность 19.00.01 — общая психология,
психология личности, история психологии**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук**

Ярославль - 2003

Работа выполнена на кафедре общей психологии Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Научный руководитель: кандидат психологических наук, профессор **Корнилов Юрий Константинович**

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, профессор **Стрелков Юрий Константинович**

кандидат психологических наук, доцент **Вавилов Юрий Павлович.**

Ведущая организация: Институт психологии Российской академии наук

Защита состоится «___» _____ 2003 г. в _____ часов на заседании диссертационного Совета К 212.307.04 в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108, ауд. 210.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, кафедра психологии.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ЯГПУ им. К.Д. Ушинского по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

Автореферат разослан «___» _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного
Совета

Огороднико-
ва Л.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется прежде всего тем, что в настоящее время, на наш взгляд, обострился дефицит научного обеспечения бурно развивающейся практической психологии. Психологи, решающие практические задачи в области психологии управления, отбора и повышения квалификации персонала, менеджмента, в политической психологии, в регуляции социальных процессов, в психологии рекламы и PR, в психотерапии и психоконсультации и во многих других областях, сталкиваются с проблемой недостаточной разработанности в научной психологии теории психических механизмов регуляции форм и свойств человеческой активности, которыми они занимаются, и, оказавшись в этой неразрешаемой проблемной ситуации, создают всевозможные мифологические конструкции.

В отечественной науке, как нам кажется, наиболее полно психические механизмы регуляции практической активности человека рассматриваются в Ярославской психологической школе, руководимой Ю.К. Корниловым, а также в исследованиях Д.Н. Завалишиной. Эта полнота связана с тем, что здесь занимаются т.н. практическим мышлением (ПМ), т.е. психической реальностью, в которой как в управляющей системе высшего уровня представлены все когнитивные, регуляторные и коммуникативные компоненты этой активности.

Изначально ПМ в работах В. Келера, О. Липмана и Х. Богена, в учебниках С.Л. Рубинштейна, вышедших в 30-е и 40-е гг. XX века рассматривалось как особый вид мышления, со специфическими процессуальными и содержательными свойствами, как решение задач, данных в чувственной форме, «здесь и сейчас», как наглядно-действенное и наглядно-образное мышление в чистом виде. В качестве важнейшего свойства обобщений ПМ во многих современных отечественных и зарубежных исследованиях рассматривается их невербальность, практический опыт субъекта трактуется как «молчаливое знание». В качестве высшего уровня развития человеческого мышления видится теоретическое мышление, а ПМ противопоставляется ему как нечто более простое, примитивное.

Мы считаем необходимым дополнить существующее понимание природы, функций и свойств ПМ, его места в человеческой психике.

В соответствии с этим, **цель** исследования — выявить специфику практического мышления как совокупности продуктивных психологических механизмов, детерминирующих весь процесс человеческой жизнедеятельности.

Цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1. Выявить сущностные свойства практического мышления в ходе теоретического анализа.

2. Осуществить эмпирическое исследование сложной профессиональной деятельности руководителя производства, чтобы получить данные о функциях и свойствах практического мышления в ходе регуляции этой деятельности.

3. В экспериментальном исследовании проверить гипотезу, что важнейшим свойством ПМ является полиопосредованность, и успешность решения задач связана с лабильностью переключения между различными репрезентирующими механизмами на примере переключения между вербальным и образным опосредованием.

4. Провести эмпирические исследования, направленные на изучение таких свойств практического и обыденного мышления, как развернутость осмысливаемой ситуации во временном плане (компетентность во времени), субъективизированность восприятия.

Гипотезы исследования

1) Практическое мышление оперирует ситуацией, включающей длительный промежуток активности субъекта, оно не сводимо к мышлению «здесь и сейчас».

2) В процессе профессионализации основной функцией практического мышления является самостоятельное активное (хотя часто и не осознаваемое) построение субъектом его индивидуализированной системы деятельности, накопление им когнитивно-действенных образований, интегрирующих, отражающих и регулирующих процессы его взаимодействия с объектом.

3) В практическом мышлении используются все формы репрезентации, а не только невербальные, а успешность решения задач определяется легкостью переключения между ними.

4) В ходе изучения когнитивных формирований практического мышления могут быть выявлены специфические репрезентационные механизмы, связанные с ярко выраженным субъектным характером такого мышления.

Объект исследования — психическая регуляция производственной деятельности и жизненной практики субъекта.

Предмет исследования — свойства практического и обыденного мышления, проявляющиеся в производственной деятельности, в жизненной практике.

Методы исследования — анализ литературы по проблеме, методы первичного ознакомления с производственной ситуацией и работниками организации: изучение производственной и социальной документации, свободная беседа, ГОЛ; разработанный нами комплекс методов, включающий методики «Проблемное интервью», «Инструкция преемнику», «Проективная задача»; метод контент-анализа; метод семантического дифференциала Ч. Осгуда; метод «мышления вслух»; разработанная нами методика для изучения процесса решения задач при образных помехах; методика А.Н. Соколова для изучения процесса решения задач при вербальных помехах; разработанный нами список вопросов, которые позволяют выявить степень представленности в мировоззрении человека мифологической составляющей; шкала для определения компетентности во времени из адаптированного варианта методики ROI Э. Шострома; методика «склонности к практическому и теоретическому мышлению» Е.В. Драпак, (использовалась в модифицированном нами варианте); тест для определения уровня личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина.

Надежность и достоверность полученных результатов обеспечивалась проведением статистической обработки данных с помощью программного пакета Statistica for Windows 6.0. Использовались методы дисперсионного, корреляционного и факторного анализа. Для определения достоверности выявляемой тенденции, наличия действия независимой переменной, достоверности различий, значимости корреляций и факторных весов применялись, соответственно, однофакторный дисперсионный анализ (модель ANOVA), дисперсионный метод Шеффе и t-критерий Стьюдента (для пар нормально распределенных выборок).

Методологической основой исследования послужили принципы творческой самодеятельности, единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна, концепция системной детерминации психических явлений Б.Ф. Ломова, принцип субъектности А.В. Брушлинского, положение о преобразующей направленности практического мышления Ю.К. Корнилова.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Сформулирован новый подход к понятию «практическое мышление», в соответствие с которым оно рассматривается как такое проявление продуктивных познавательных, регулятивных и коммуникативных компонентов человеческой активности, в котором наиболее полно проявляются сущностные свойства психической регуляции взаимодействия человека с миром.

2. Получены эмпирические доказательства того, что практическое мышление полиопосредовано, а осмысливаемая в нем ситуация включает длительный промежуток жизнедеятельности субъекта.

3. Экспериментально установлена зависимость успешности решения задач от легкости переключения с одних репрезентационных механизмов на другие.

4. Показана связь степени субъектности мировосприятия с выраженностью нетерпимости к неопределенности, с компетентностью во времени, со склонностью к теоретическому или практическому мышлению.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в работе обосновывается принципиально новая трактовка понятия практического мышления, разрабатываемого в Ярославской школе психологов под руководством Ю.К. Корнилова, позволяющая выходить на более общие и сложные закономерности мышления, которые не выявляются при лабораторных исследованиях решения задач или в практике усвоения теоретических знаний. Это дает возможность успешно применять мощный понятийный и методический аппарат, наработанный в ходе исследования мышления в профессиональной деятельности, для изучения регуляции человеческой жизнедеятельности, например, в исследованиях обыденного мышления. Выявлено, что практическое мышление полиопосредовано, что успешность решения задач зависит от легкости переключения с одних репрезентационных механизмов на другие. Показано, что в практическом и обыденном мышлении активно используется субъектная форма репрезентации, которая лежит в основе мифологического мышления. Исследованы связи мифологического мышления с некоторыми личностными особенностями и роль переживания жизненного

кризиса в его актуализации. Полученные результаты вносят вклад как в теорию практического мышления, так и в разделы общей психологии, изучающие разные стороны мыслительного процесса, механизмы регуляции человеческой активности.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут стать основой разработки новых эффективных методов обучения и повышения квалификации практических работников. Процесс профессионализации должен проходить как построение индивидуализированной системы деятельности, как выработка индивидуально-обобщенных способов действия и соответствующих им деятельностно-опосредованных форм отражения действительности. Сформулированы основания диагностики успешности деятельности, в частности, руководителя, основанные на том, что в ее основе лежит не наличие у него каких-то определенных качеств, а способность объединять в своей индивидуальной системе деятельности прямо противоположные свойства. Методы отбора должны основываться на таком важнейшем свойстве практического мышления успешного руководителя, как способность интегрировать различные формы репрезентации, сочетать, например, объектное и субъектное восприятие ситуации, не быть ярко выраженным «образником» или «вербалистом», а быть способным в одном познавательном концепте объединить все возможные формы репрезентации, построить «когнитивно богатые» формами репрезентации схемы выделяемых ситуаций и своего поведения в них, легко актуализирующиеся в новых ситуациях деятельности. Данные о происхождении, сущности и свойствах мифологического мышления могут быть использованы в проектах, направленных на регулирование различных социальных процессов.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на всесоюзной межвузовской научно-практической конференции «Мышление и общение в производственной деятельности» (Ярославль, 1984), на научной конференции Вильнюсского университета (Вильнюс, 1984), в лаборатории психологии мышления Института психологии АН СССР (Москва, 1989), на Межвузовской научно-практической конференции по проблеме «Мышление в производственной деятельности: когнитивная и регулятивная функция, продуктивные и репродуктивные компоненты» (Ярославль, 1992), на II съезде РПО (Ярославль, 1998), на конференции «Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления (к 70-летию со дня рождения)» (Москва, 2003).

Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Внедрение результатов исследования осуществлялось на практических семинарских занятиях по повышению квалификации мастеров цеховых участков Угличского часового завода, а также в учебных курсах на факультете психологии Ярославского гос. университета им. П.Г. Демидова.

Публикации. По материалам диссертационного исследования опубликована 31 печатная работа общим объемом 10,82. п.л.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследования мышления в реальной, практической деятельности позволяют выходить на более общие и сложные закономерности мышления, которые не выявляются при лабораторных исследованиях решения задач или в практике усвоения теоретических знаний. Теоретическое мышление включается как компонент в более сложное образование практического мышления, относясь к нему как часть к целому.

2. Процесс профессионализации руководителя связан с тем, что успешные руководители строят индивидуализированную систему деятельности, причем функция практического мышления заключается в выработке индивидуально-обобщенных способов действия и соответствующих им деятельностно-опосредованных форм отражения действительности.

3. Субъективная проблемность деятельности изменяется по мере профессионализации. Успешные и опытные руководители отличаются развитой пропедевтической функцией мышления, что выражается в предупреждении возникновения проблемных ситуаций посредством направленного управления работой участка. В результате количество таких ситуаций уменьшается. Развитие в ходе профессионализации когнитивного обеспечения деятельности практика характеризуется «расширением» факторов индивидуальной деятельности в ее временных, генетических, каузальных и пространственно-функциональных аспектах, и «укрупнением» решаемых задач. Практическое мышление не сводимо к мышлению «здесь и сейчас».

4. Обобщения практического мышления полиопосредованы, успешность решения задач зависит от лабильности переключения с одних репрезентирующих механизмов на другие. Невербальные обобщения не являются единственным содержанием практического мышления. В практическом мышлении присутствует особая — субъектная форма репрезентации. Она используется для компактного и действенного обобщенного отражения ситуации во «взаимоотношенческих» структурах, основывается на описанных Л. Секеем инфантильных репрезентациях, к которым человек прибегает в неразрешимых проблемных ситуациях и лежит в основе всего когнитивного опыта. На субъектной форме репрезентации базируется такой феномен обыденного сознания, как мифологическое мышление. Степень мифологизированности мировосприятия возрастает в кризисные периоды жизни человека.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, изложенных на 195 страницах машинописного текста, списка литературы, включающего 189 наименований, из них 21 — на иностранных языках, 1-го рисунка, 4-х диаграмм, 24-х таблиц и 2-х приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность проблемы, определяются цели и задачи настоящего исследования, научная новизна и практическая значимость работы, методы исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава — «Теоретический анализ проблемы»

В первом параграфе — «Развитие психологии практического мышления» рассматриваются две существующие и в настоящее время линии, объединяющие группы исследователей ПМ. Первая из них берет начало от работ В. Кёлера, развивается в работах О. Липмана и Х. Богена, представлена в учебниках С.Л. Рубинштейна и во многих отечественных и зарубежных исследованиях (А. Bandura, С.А. Berg, К.С. Calderone, St.J. Ceci, J. Hoffmann, К.А. Ericsson, А.Д. d’Groot, J. Smith, R.J. Sternberg, R.K. Wagner, J. Ziker и др.). ПМ рассматривается как решение задач, данных «здесь и сейчас» оно направлено на решение неожиданно для субъекта возникшей проблемной ситуации, абсолютно ситуативно, субъект не думает о будущем, не анализирует прошлого, а разрешив ситуацию, не выносит за ее пределы никакого «добавочного продукта», никакого обобщенного знания, предназначенного для разрешения подобных ситуаций в будущем. Если же опыт (expertise) все-таки формируется, то он представлен в невербальной форме, как «молчаливое знание». В ходе решения практических задач субъект манипулирует чувственно данными свойствами элементов осмысляемой ситуации, не использует обобщенных знаний, не стремится что-то познать в ситуации. Данные для таких выводов были получены в лабораторных экспериментах или в простейших формах производственной деятельности и житейской практики.

Другая линия прослеживается уже в рассуждениях Аристотеля, различавшего разум и рассудок. Посредством разума мы создаем и теорию и, например, молоток, то есть продукты «общеупотребительные», освобождаемые от субъектности, посредством рассудка («рассчитывающего мышления») мы строим наши поступки, заключающиеся и в построении теории, и в изготовлении молотка. Для наших последующих выводов о подчиненности мышления теоретического мышлению практическому важно понимание Аристотелем того, что научное мышление необходимо для выполнения каких-то частных задач, изготовления инструментов в широком смысле этого слова, а практическое мышление обеспечивает жизнедеятельность человека в целом. Таким образом, основным продуктом рассчитывающего мышления по Аристотелю является процесс построения субъекта, каждый поступок которого соотнесен, рассматривается им как момент реализации всего его жизненного пути, подчиненного этическим нормам. Эта же тенденция «жизненной» роли ПМ проявляется и в ранних работах М. Вергеймера, прослеживается в этнопсихологических исследованиях Дж. Брунера, М. Коула, Л. Леви-Брюля, С. Скрибнер, П. Тульвисте и др., но наиболее явно она представлена в труде Б.М. Теплова «Ум полководца». Б.М. Теплов, анализируя сложнейшую деятельность военачальника, показывает, что осмысляемая проблемная ситуация широко развернута в пространственном и во временном плане, что знания субъекта имеют особую природу, что получаемые знания, в том числе теоретические, постоянно переосмысляются, приобретая свойства действенности, легкой реализуемости в непосредственной практике субъекта. В современных исследованиях этот подход к ПМ реализуется в работах Д.Н. Завалишиной, Ю.К. Корнилова и его последователей.

Второй параграф — *Субъектное опосредование в практическом и обыденном мышлении. Мифологическое мышление.* В ходе нашего исследования, описанного во второй главе работы, нами был выявлен феномен постоянного приписывания обследуемыми руководителями субъектных свойств как ситуации в целом, так и отдельным ее элементам, феномен субъектности. В своей деятельности практик переходит от схемы «субъект-объект» к схеме «субъект-субъект», в организацию деятельности вносятся закономерности процесса общения. Сложные структуры производственных ситуаций «упаковываются» в компактные «взаимоотношенческие» образования.

В работе подробно анализируются различные теоретические положения, объясняющие природу, происхождение и функции этого феномена (Е.Ю. Артемьева С.Д. Дерябо, М. Мид, Ж. Пиаже). Наибольшего интереса с нашей точки зрения заслуживают данные, полученные Л. Секеем в его поздних работах, направленных на изучение т.н. творческой паузы, предшествующей инсайту. По мнению Л. Секея процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс. Важнейшую роль здесь играют презентации, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений о внешнем мире и соматических ощущений. «Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска меняется на инфантильные области репрезентации». Происхождение феномена субъектности в онтогенезе, и, соответственно, природу «инфантильных презентаций» Секея, очевидно, лучше всего объясняют соображения Г.Л. Ильина, совершенно справедливо отмечающего, что в плане онтогенеза общение является «исходной, или, во всяком случае, первоначально доминирующей формой отношения ребенка к окружающей среде». Исходя из этого, нуждается в уточнении господствующее долгое время положение, что и в филогенезе, и в онтогенезе генетически первой ступенью мышления может быть только наглядно-действенное мышление. Люди, придерживающиеся этого мнения, не учитывают того, что первоначальный мир человека практически исчерпывается ситуацией взаимодействия ребенка с матерью, что все формы взаимодействия с действительностью изначально опосредуются общением с другим субъектом. Для новорожденного ребенка удовлетворить любую потребность — значит выразить другому свою неудовлетворенность, фактически — попросить, потребовать помощи. Отсюда становится понятным формирование мифологического мышления в обыденном сознании, рассмотренного в многочисленных исследованиях (А. Адлер, Р. Барт, С. Гроф, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, В.М. Мамардашвили, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, А.М. Лобок, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, С. Московичи, В. М. Найдыш, В.В. Налимов, Ю.С. Осаченко, В.М. Пивоев, Платон, А.Ш. Тхостов, З. Фрейд, К. Хьюбнер, К. Юнг, Е.С. Яковлева и др.). В случае отсутствия рациональных знаний о мире порождается некоторая замещающая реальность, дополняющая резуль-

таты эмпирических наблюдений до полного образа мира. Оказавшись в неразрешимой личностно значимой проблемной ситуации, человек проходит сверху вниз все слои своего когнитивного опыта, пока не «упрется» в фундаментальные субъектные образования. Функция мифологического мышления прямо противоположна функциям мышления научного. Последнее преследует цель жестко отграничить познанное от непознанного, понятное от непонятного. Задача мифологического мышления — сделать весь мир уютным и интересным, понятным и предсказуемым. Научное мышление — особая деятельность, имеющая своей целью освободить познавательный продукт от субъектности и ситуативности, дать наблюдаемым фактам рациональное объяснение. В случае отсутствия рационального объяснения и в случае, если мир с учетом их получается недостаточно уютным, работают инфантильные презентации Секея. Большинство людей с неприятием относятся к таким свойствам реального мира, как наличие объективных законов, стохастический характер многих закономерностей бытия. Создаваемая этими людьми квазиреальность может противоречить имеющимся у них научным знаниям, но все эти когнитивные формирования могут мирно сосуществовать в сознании одного человека.

В третьем параграфе — «Полиопосредованность практического мышления» на основе обсуждения имеющихся в литературе теоретических положений об особенностях репрезентационных механизмов ПМ, о соотношении в них вербальности и невербальности, структурности и событийности, субъектности и эмансипированности от нее, делается заключение, что важнейшим свойством практического мышления является именно способность интегрировать различные формы репрезентации, сочетать, например, объектное и субъектное восприятие ситуации, не быть ярко выраженным «образником» или «вербалистом», а быть способным в одном познавательном концепте объединить все возможные формы репрезентации, построить «когнитивно богатые» формами репрезентации схемы выделяемых ситуаций и своего поведения в них, легко актуализирующиеся в новых ситуациях деятельности.

В четвертом параграфе — «К проблеме методов исследования мышления в практической деятельности» — обосновывается вывод, что научное, теоретическое мышление есть лишь инструмент, «утилитар», встроенная в мощный пакет практического мышления, в свойствах которого наиболее полно выражаются коренные свойства «человеческого мышления вообще», направленного на обеспечение взаимодействия субъекта с миром. В связи с этим в полном объеме эти свойства могут быть выявлены в психологических исследованиях мышления, объектом которых должны служить деятельности, представляющие из себя взаимодействие субъекта не с модельными формированиями культуры, а с реальным миром, рассматриваемые в процессе общей жизнедеятельности человека.

Вторая глава — «Исследование мышления в деятельности руководителя».

Нами было проведено эмпирическое исследование сложной профессиональной деятельности руководителя производства с тем, чтобы получить данные о функциях и свойствах практического мышления в ходе регуляции этой деятельности. Для этого была поставлена задача изучить представление субъекта о ситуации своей деятельности, то есть целостное отражение специалистом объективных и субъективных факторов его труда в их взаимосвязи. В исследовании проверялась гипотеза о том, что отражение ситуации будет различаться, с одной стороны, у более и менее успешных руководителей, и, с другой, у специалистов с разным стажем (опытом) работы:

Для актуализации представления о ситуации деятельности последовательно, с интервалом в несколько дней проводились три процедуры:

«Проблемное интервью»

Суть его заключалось в том, что в беседе с исследователем мастер подробно рассказывал о трудностях в своей работе. Обязательным условием получения достаточно содержательного материала было установление хороших личных взаимоотношений с мастером. Последний должен был воспринимать исследователя как человека, сочувствующего его трудностям. Использовались различные приемы стимуляции активного монолога мастера по поводу своей деятельности.

«Инструкция преемнику»

Создавалась воображаемая ситуация, в которой мастер должен передать дела преемнику, а для этого рассказать все о своей работе. Предполагалось, что необходимость раскрыть характерные производственные проблемы, способы их разрешения, а также существенные стороны объекта таким образом, чтобы на основе полученного описания можно было бы действовать, заставит мастера вербализовать те моменты, которые обычно не осознаются, а также то, что он не считает нужным раскрывать в обычном рассказе о своей работе.

«Проективная задача»

Перед мастером ставилась типичная для него производственная задача, взятая из материалов предыдущих серий, и он должен был подробно описать, как он будет ее решать. При этом выявлялись учитываемые им условия, реализуемые цели и средства их достижения.

Были обследованы 55 мастеров цеховых участков Ярославского радиозавода. Полученные протоколы подвергались качественному и количественному анализу. В ходе контент-анализа протоколов из них выписывались все упоминания мастеров о проблемах в их работе вместе со способами их разрешения, если они приводились. Для понимания психологического смысла того, что мастера в беседе называют проблемами своей деятельности, очевидно, следует исходить из известных закономерностей, обнаруженных А.А. Смирновым и П.И. Зинченко в исследованиях памяти. Ими было показано, что запоминается главным образом то, что связано с проблемными ситуациями, возникающими в деятельности, входит в их содержание. Мы

предполагали, что у мастеров формируется обобщенная совокупность наиболее типичных проблем, существующих в их индивидуальной практике. Эта совокупность является ядром представлений руководителя о своей деятельности.

Выделенные трудности были разбиты на 3 три группы:

1. Проблемы, существование которых в деятельности мастеров завода данный руководитель признает, но отрицает их наличие в своей практике.

2. «Решаемые проблемы». По отношению к ним в протоколе зафиксировано описание успешно применяемого данным мастером способа их разрешения.

3. «Нерешаемые» проблемы. — беспокоящие мастера, но для решения которых у него нет соответствующего способа.

Все мастера на основании результатов применения методики ГОЛ и бесед с руководством цеха и рабочими были разбиты на 4 группы по степени успешности выполнения своей деятельности и на 4 группы по стажу работы (опытности).

Анализ протоколов показал:

1) Существует высокая положительная корреляция успешности, измеренной экспертным способом, и стажа работы мастером.

2) Общее количество упоминаемых проблем непрерывно уменьшается с возрастанием успешности.

3) Количество «решаемых» проблем непрерывно возрастает с увеличением степени успешности, а «нерешаемых» — убывает (все различия значимы). Так как выборка испытуемых была разбита на количество частей, большее двух, для определения достоверности выявляемой тенденции использовался однофакторный дисперсионный анализ (модель ANOVA), в ходе применения которого было получено значение $F = 3.524$, т.е. $p < 0,025$. Таким образом была подтверждена гипотеза о наличии действия независимой переменной (степени успешности), определяющей межуровневую дисперсию в оценках количества проблем на различных уровнях успешности. Для выявления достоверности различий между отдельными группами мастеров, различающихся по степени успешности или опытности, использовался также основанный на технике дисперсионного анализа метод множественных сравнений Шеффе. (См. табл.).

Общее количество упоминаний о проблемах и соотношение проблем различных типов у мастеров, различающихся по успешности

Упоминания о проблемах	Группы мастеров			
	«отличные»	«хорошие»	«удовлетворительные»	«неудовлетворительные»
Общее количество упоминаний о проблемах на один протокол	4,30	4,70	6,78	6,18
Процент утверждений об отсутствии проблемы	30,1 %	22,0 %	13,7 %	18,1 %
Процент «решаемых» проблем	46,4 %	32,6 %	16,8 %	2,9 %
Процент «нерешаемых» проблем	22,7 %	45,4 %	69,5 %	79,0 %

Сходные тенденции, хотя и менее выраженные, были выявлены и для групп мастеров, различающихся по стажу работы мастером. Больше всего проблем у молодых мастеров. Достоверны различия между «опытными» и неопытными — по общему количеству упоминаний, по проценту решаемых и нерешаемых проблем, а также все различия по успешности.

Можно сделать вывод, что более успешные мастера (также как более опытные) не только лучше решают свои проблемы, но, что особенно важно, количество последних у них значительно меньше. В работе на многочисленных примерах из протоколов показывается, как в процессе профессионализации формируется индивидуальная система деятельности руководителей, развивается пропедевтическая функция ПМ. Более подробно результаты этой части исследования представлены в **выводах** по диссертации (п. 2).

На изучение выявленных в ходе описанного во второй главе эмпирического исследования таких важнейших свойств практического мышления, как полиопосредованность, стратегичность, субъектность, направлены работы, описанные в 3-й и 4-й главах.

Третья глава — «Исследование переключения образного и вербального опосредования в ходе решения задач при искусственном «блокировании» вербального и образного плана» посвящена исследованию, в котором проверялась гипотеза, что успешность решения практических задач определяется способностью человека лабильно переключаться между разноопосредованными представлениями осмысливаемой ситуации. Исследование состояло из трех частей.

В **первой части** методом мышления вслух исследовалось решение испытуемыми логических вербальных задач, была показана включенность элементов образного плана в процесс решения задач необразного содержания.

Испытуемые в соответствии с доминирующими репрезентационными механизмами были разделены на три группы: «визуализаторы», «вербализаторы» и испытуемые смешанного типа.

Вторая часть исследования была направлена на то, чтобы выяснить, какие приемы решения будут применять выделенные в первой части исследования «визуализаторы», «вербализаторы» и испытуемые смешанного типа, если в процессе решения задач заполнить образный план испытуемых наглядной информацией, не имеющей отношения к содержанию задачи, как будут соотноситься результативности решения задач у испытуемых различных типов. В ходе решения задач применялась разработанная нами по аналогии с методами «вербального блокирования», использовавшимися А.Н. Соколовым и Н.И. Жинкиным, методика «образного блокирования». Образный план мы старались заполнить при помощи журналов с иллюстрациями, интересными для испытуемых.

В **третьей части** аналогичная задача, но уже в отношении внутренней вербализации, решалась при помощи метода «вербального блокирования» А.Н. Соколова. Основные результаты, полученные в данном исследовании состоят в том, что:

1) результативность решения вербальных задач при использовании приемов и вербальной, и образной логики выше, чем при оперировании только вербально-логическими приемами;

2) испытуемые смешанного типа активно использующие и вербальные, и образные репрезентационные механизмы, в условиях как вербального, так и образного блокирования решают задачи лучше, чем «визуализаторы» и «вербализаторы»;

3) были выявлены различия «предикации» выстраиваемого образного плана осмысливаемой ситуации задачи у испытуемых, отнесенных к различным типам. Испытуемым смешанного типа было свойственно, что перевод вербальной задачи в ходе решения из «формально-теоретического» в индивидуальный, практический, действенный, житейский план, то есть превращение ее в задачу, характерную для практического мышления, адекватно моделировал компоненты проблемной ситуации.

Более подробно результаты данного исследования изложены в **выводах** по диссертации (п. 3).

Четвертая глава — *«Исследования субъектности и мифологичности в практическом и обыденном мышлении»* содержит описания пяти исследований.

Первое из них посвящено эмпирическому изучению проявлений глубинных субъектно-ориентированных репрезентирующих образований в психо-семантическом эксперименте. Испытуемые оценивали по 18 биполярным шкалам различные абстрактные рисунки, то есть максимально неопределенный стимульный материал.

Набор примененных шкал был составлен на основе предварительного опроса, в котором испытуемые перечисляли видимые ими свойства рисунков. Так было отобрано 15 шкал из наиболее часто упоминаемых свойств. Еще

три шкалы — «враждебный — дружественный», «угрожающий — неугрожающий» и «опасный — неопасный» были внесены дополнительно, именно с целью проверить гипотезу первовидения Е.Ю. Артемьевой. Средние оценки шкальных значений были подвергнуты факторному анализу по методу главных компонент с последующим нормализованным варимакс-вращением. В первый фактор из 5 значимых, определяющий 40,67% дисперсии с наибольшими факторными весами вошли шкалы «враждебный — дружественный», «угрожающий — неугрожающий», «грубый — нежный», «опасный — неопасный» и «злой — добрый» «Объектные» свойства оцениваемых рисунков вошли в остальные факторы с меньшими факторными весами. Налицо ярко выраженный субъектный подход при восприятии неизвестного, непонятого объекта, соответствующий гипотезе Е.Ю. Артемьевой. Напомним, что три шкалы были внесены дополнительно. Эти свойства ни разу не назывались никем из испытуемых в предварительном опросе. Тем не менее, именно они образовали главную оценочную ось, по которой ранжировались все эти рисунки, основное измерение соответствующего семантического пространства. Таким образом, в ходе восприятия чего бы то ни было, мы первым делом выделяем в воспринимаемом субъектные свойства, связанные с ходом последующего с ним взаимодействия, а прежде всего — такие эмоционально-оценочные характеристики, как то, опасен или не опасен для нас этот объект, и лишь затем начинается выявление в объекте денотативных свойств.

Второе исследование направлено на то, чтобы проследить переход испытуемых в неразрешимой проблемной ситуации от объектного к субъектному отношению к действительности, выявить связь личностных качеств испытуемых, характеризующих степень нетерпимости к неопределенности, в частности, уровня личностной тревожности, с тем, как скоро наступает этот переход. После замера уровня личностной тревожности испытуемым давалось задание найти в комнате спрятанный шарик, которого на самом деле не существовало. Высокотревожные и низкотревожные испытуемые по мере роста эмоциональной напряженности в ходе безуспешных поисков переходили к ярко выраженному субъектному отношению к объекту и к ситуации в целом, от рассуждений типа «Где же он находится» — свидетельство объектного отношения — к высказываниям типа «Куда же он спрятался?!» — свидетельство субъектного отношения к объекту, или же от ситуации «Я должен найти шарик» — к ситуации, «Они спрятали от меня этот шарик так, чтобы я не смог его найти», то есть от задачи к игре, к межсубъектному конфликту, но у испытуемых с повышенной тревожностью это происходило гораздо раньше. Для нас это интересно прежде всего в связи с тем, что показатель личностной тревожности — это проявление комплекса личностных свойств, обостряющих переживание описанной выше творческой паузы Секея, в которой человек актуализирует инфантильные презентации, проявляющиеся в субъектности и мифологичности, показатель нетерпимости к неопределенности.

В третьем исследовании производится изучение изменений в обыденном сознании человека, переживающего кризисную ситуацию.

Свойство субъектной репрезентации наиболее ярко проявляться в мышлении человека в ситуациях неопределенности хорошо согласуется с наблюдениями социологов, свидетельствующими о том, что расцвет суеверий и мистицизма всегда совпадает с кризисными периодами развития общества. Можно предположить, что проявления феноменов инфантильной презентации, выражающихся в мышлении взрослого европейца в виде функционирования «житейского мышления» в соответствии с закономерностями мышления мифологического обостряются в период переживания им кризисных периодов в ходе своей жизнедеятельности.

На основе предварительного опроса было отобрано две группы испытуемых.

Первая группа — это люди, считающие, что они находятся в «нормальном», привычном для себя жизненном состоянии; не испытывающие серьезных трудностей ни в межличностной, ни во внутриличностной сфере; не имеющие серьезных проблем со здоровьем.

Вторая группа — люди считающие, что они находятся в данный момент в кризисных, конфликтных состояниях, имеющие серьезные проблемы со здоровьем, и находящиеся в момент проведения исследования на лечении в стационаре.

Всем испытуемым предлагался разработанный нами список вопросов, который позволяет выявить степень представленности в мировоззрении человека мифологической составляющей. В ходе исследования зафиксированы значимые различия мировоззренческих особенностей у испытуемых, находящихся в привычном для себя состоянии и испытуемых, находящихся в ситуации кризиса. Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что в кризисных периодах жизни у человека возрастает степень выраженности мифологического компонента мышления, проявляющаяся в таких особенностях мировоззрения, как религиозность, суеверия, определенные ритуалы и их соблюдение, в стремлении человека сделать окружающий мир более понятным, объяснимым и, соответственно, более удобным и приемлемым. Показано влияние половых различий на характер отмеченных особенностей. Женщины из обеих групп более склонны к мифологизации действительности.

В четвертом исследовании изучаются связи склонности к мифологизации действительности со способностью построить осмысливаемую проблемную ситуацию адекватно развернутой во временном плане. Применялись следующие методики: разработанный нами список вопросов, которые позволяют выявить степень представленности в мировоззрении человека мифологической составляющей; шкала для определения компетентности во времени из адаптированного варианта методики РОІ Э. Шострома; методика «склонности к практическому и теоретическому мышлению» Е.В. Драпак. Эта методика была нами модифицирована: в соответствии с целями нашего исследования, в отличие от схемы, предложенной Е.В. Драпак, нами проводился отдельный подсчет утверждений, свидетельствующих:

1) о склонности испытуемых при разрешении проблемы рассматривать ее в широком временном плане или же замыкаться в данной здесь и сейчас ситуации, количество выявленных таким способом утверждений в нашем исследовании рассматривалось как выраженность параметра «стратегичности», в противовес «ситуативности»;

2) о «теоретичности» мышления испытуемого, проявляющейся в отчетливой «абстрактно-познавательной» направленности, выражающей желание испытуемого «разобраться» в предмете высказываний безотносительно к осуществлению каких-либо действий с ним, в противовес «практичности» (в высказываниях — выраженная конкретная преобразующая направленность). Матрицы корреляций выраженности сопоставляемых параметров — мифологичности мышления, компетентности во времени, типа взаимодействия с ситуацией («стратегичность–ситуативность») и типа мышления (теоретичность–практичность) были подвергнуты факторному анализу по методу главных компонент с последующим нормализованным варимакс-вращением как по всей группе испытуемых, так и отдельно по мужской и женской выборкам. Результаты данного исследования изложены в **выводах** по диссертации (п.п. 7, 8).

В **пятом** исследовании проверялась гипотеза о связи уровня тревожности и компетентности во времени.

У испытуемых–женщин выявлены значимые корреляции между уровнем как личностной, так и ситуативной тревожности и компетентностью во времени. У испытуемых-мужчин эти корреляции оказались незначимыми. Таким образом, в этом исследовании подтвердились гипотезы о том, что:

1) между уровнем тревожности (как личностной, так и ситуативной) и компетентностью во времени существует связь в форме прямой зависимости;

2) связь высокого уровня тревожности и высокой степени компетентности во времени в большей мере выражена у женщин, чем у мужчин, то есть так же как и в предыдущем исследовании были выявлены высокие гендерные различия в регуляции жизнедеятельности.

В **заключении** формулируются **выводы** из проведенных исследований:

1. Теоретический анализ проблемы исследования показал, что исследования мышления в реальной, практической деятельности позволяют выходить на более общие и сложные закономерности мышления, которые не выявляются при лабораторных исследованиях решения задач или в практике усвоения теоретических знаний. Научное, теоретическое мышление есть лишь инструмент, встроенный в практическое мышление, в свойствах которого наиболее полно выражаются коренные свойства «человеческого мышления вообще», направленного на обеспечение взаимодействия субъекта с миром. В связи с этим в полном объеме эти свойства могут быть изучены в психологических исследованиях мышления, объектом которых должны служить деятельности, представляющие из себя взаимодействие субъекта не с модельными формированиями культуры, а с реальным миром.

2. Процесс профессионализации практика связан с формированием сложных когнитивных образований, приобретающих индивидуализированный характер и составляющих основу принципов и способов деятельности данного руководителя в конкретных производственных условиях. Субъективная проблемность деятельности изменяется по мере профессионализации. Успешные и опытные руководители отличаются развитой пропедевтической функцией мышления, что выражается в предупреждении возникновения проблемных ситуаций посредством направленного управления работой участка. В результате количество таких ситуаций уменьшается. Развитие в ходе профессионализации когнитивного обеспечения деятельности руководителя характеризуется «расширением» факторов индивидуальной деятельности в ее временных, генетических, каузальных и пространственно-функциональных аспектах, и «укрупнением» решаемых задач. Важнейшей особенностью когнитивных образований опыта руководителя является именно их действенность, использование при их построении таких форм репрезентации, которые позволяют им легко актуализироваться в соответствующих проблемных ситуациях, содержать в себе некую схему построения условий задачи, выявления в них типовой проблемной ситуации, актуализации определенных действий.

Свойством практического мышления успешного руководителя является способность интегрировать различные формы репрезентации, сочетать, например, объектное и субъектное восприятие ситуации, не быть ярко выраженным «образником» или «вербалистом», а быть способным в одном познавательном концепте объединить все возможные формы репрезентации, построить «когнитивно богатые» формами репрезентации схемы выделяемых ситуаций и своего поведения в них, легко актуализирующиеся в новых ситуациях деятельности.

3. В процессе решения вербальных задач необразного содержания имеет место использование приемов образной логики. У испытуемых в процессе решения «всплывают» не только конкретные образы, но и более абстрактные (схемы, таблицы, шкалы), которые способствуют решению. Результативность решения задач при использовании приемов и вербальной, и образной логики выше, чем при оперировании только вербально-логическими приемами. По преобладанию образного или вербально-логического кодов мышления в процессе решения задач нами выделялись три типа испытуемых: «визуализаторы», «вербализаторы» и испытуемые смешанного типа. Применение разработанного нами метода искусственного блокирования образного плана позволило выявить, что при «забивании» образного компонента мышления решение вербальной задачи значительно затруднялось у «визуализаторов». Задача по-прежнему решалась посредством образной логики, перехода на вербально-логический уровень решения по принципу компенсации не наблюдалось. Аналогичную закономерность мы наблюдали у «вербализаторов» при решении задачи в условиях искусственного блокирования вербально-логического компонента решения. Лабильный переход с одних способов решения на другие по принципу компенсации имел место в процессе решения задач у испытуемых смешанного типа, способных к оперированию приемами, как образ-

ной, так и вербальной логики. При этом результативность решения оставалась на высоком уровне при «блокировании» и образного, и вербального плана. Были выявлены также различия «предикации» выстраиваемого образного плана осмысливаемой ситуации задачи у испытуемых, отнесенных к различным типам. Наиболее ярко они проявлялись в тех случаях, когда чисто «логическая» по своему содержанию задача в ходе решения переводилась испытуемым из «формально-теоретического» в индивидуальный, практический, действенный, житейский план, то есть превращалась в задачу, характерную для практического мышления. У «визуализаторов» логическое содержание задачи как бы забивалось сугубо конкретным, ситуативным образным планом, а у испытуемых, отнесенных к смешанному типу, образный план выстроенной индивидуальной ситуации собственного действия, включал в себя, моделировал необходимые для решения задачи вербальные и логические компоненты. Таким образом, подтвердилась наша гипотеза, что успешность решения практических задач определяется способностью человека лабильно переключаться между разноопосредованными представлениями осмысливаемой ситуации. Кроме того, наблюдения в ходе эксперимента показали важность способности вместить в сугубо индивидуальные, ситуативные образно-действенные когнитивные компоненты собственной преобразующей активности формально-теоретические знания, полученные ранее в ходе вербального обучения.

4. Психосемантическое исследование показало, что в ходе восприятия чего бы то ни было, мы первым делом в соответствии с гипотезой «первовидения» Е.Ю. Артемьевой, выделяем в воспринимаемом субъектные свойства, связанные с ходом последующего с ним взаимодействия, а прежде всего — такие эмоционально-оценочные характеристики, как то, опасен или не опасен для нас этот объект.

5. Высокотревожные и низкотревожные испытуемые по мере роста эмоциональной напряженности в ходе безуспешных поисков переходят к ярко выраженному субъектному отношению к объекту и к ситуации в целом, но у испытуемых с повышенной личностной тревожностью это происходит гораздо раньше. Это свидетельствует о связи степени субъектности и мифологичности со степенью нетерпимости к неопределенности.

6. В кризисных периодах жизни у человека возрастает степень выраженности одной из форм субъектности мировосприятия, — мифологического мышления, проявляющегося в таких особенностях мировоззрения, как религиозность, суеверия, соблюдение определенных ритуалов, в стремлении человека сделать окружающий мир более понятным, объяснимым, предсказуемым, и, соответственно, более удобным и приемлемым. Показано влияние половых различий на характер отмеченных особенностей: выявленные закономерности верны для представителей обоих полов, но женщины более «мифологичны», чем мужчины.

7. Выявлена ярко выраженная отрицательная зависимость мифологичности мышления, измеренной с помощью нашего набора вопросов и компетентности во времени, определенной по соответствующей шкале опросника

Э. Шострома, что подтверждает нашу гипотезу о том, что люди, «не компетентные во времени», то есть склонные жить в сравнительно мало развернутой во временном плане ситуации, не склонные анализировать прошлое и планировать будущее, в большей степени подвержены переживанию кризисных ситуаций, и, соответственно, к большей мифологизированности сознания. Показана выраженная отрицательная связь таких показателей, как тип взаимодействия с ситуацией («стратегичность–ситуативность») и тип мышления (теоретичность–практичность). Это еще раз подтверждает мысль о том, что важнейшим свойством практического мышления является «развернутость во времени».

8. Показатели компетентности во времени и стратегичности–ситуативности, положительно связаны у мужчин и отрицательно — у женщин. В этом, очевидно, проявились гендерные различия в общих жизнедеятельностных стратегиях, специфичных для представителей разных полов. У женщин отмечается прямая связь между уровнями как личностной, так и ситуативной тревожности и компетентностью во времени. У мужчин эта связь практически отсутствует. Эти закономерности позволяют нам проследить роль феноменов субъектности и компетентности во времени, описанных ранее в основном применительно к практическому мышлению, в более широком контексте, в его отношении к регуляции общей жизнедеятельностной активности человека, в том, что традиционно рассматривается как обыденное мышление.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Панкратов А.В. Групповая деятельность и решение управленческих задач // Проблемы мышления в производственной деятельности», — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1980. — С. 109—116. — 0,47 п.л.

2. Панкратов А.В. Особенности решения коммуникативных задач в деятельности руководителя низшего и среднего звена // Личность в системе общественных отношений. Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. Часть 4. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. — М.: изд-во МГУ, 1983. — 0,06 п.л.

3. Панкратов А.В. Деятельность мастера как системное образование // Мышление. Общение. Опыт. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1983. — С. 34-43. — 0,68 п.л.

4. Панкратов А.В. Некоторые особенности психологического исследования контактного руководства // Актуальные проблемы психологии: Тезисы итоговой научно-практической конференции молодых ученых «Некоторые актуальные проблемы современного научного знания». Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1983. — С. 3-4. — 0,06 п.л.

5. Панкратов А.В. Психологические особенности познания и саморегуляции в некоторых видах профессиональной деятельности // Психологические аспекты познавательной деятельности личности: Тезисы научной конферен-

ции (19-20 апреля 1984 г., Вильнюс). — Вильнюс: изд-во Вильнюсского гос. университета, 1984. — (в соавторстве с Е.И. Ключевой и Г.М. Маркиной, авторское участие — 33 % — 0,03 п.л.)

6. Панкратов А.В. Изучение профессионализации в деятельности руководителя // Психологические проблемы рационализации деятельности: Тезисы итоговой научно-практической конференции молодых ученых «XXVI съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы современного научного знания». — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1984. — С. 22-24. — 0,10 п.л.

7. Панкратов А.В. К вопросу об изучении и формировании деятельности руководителя // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной межвузовской научно-практической конференции «Мышление и общение в производственной деятельности» (18-21 сентября 1984 г.) — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1984. — С. 212-216. — 0,23 п.л.

8. Панкратов А.В. Мышление и общение в производственной деятельности // Психол. журнал — т. 6 — № 2 — 1985. — (в соавторстве с Ю.К. Корниловым и Н.Н. Мехтихановой — (авторское участие — 33 % — 0,20 п.л.).

9. Панкратов А.В. К вопросу о путях оптимизации деятельности руководителя // Проблемы социально-психологической службы промышленного предприятия: Тезисы докладов и сообщений всесоюзной конференции (11-13 июня 1985 г., Курган). — Курган, 1985. — 0,06 п.л.

10. Панкратов А.В. О специфике знаний мастера производственного участка // Психологические проблемы оптимизации трудовой и учебной деятельности. Тезисы IV областной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов 5-8 февраля 1986 г. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1986 — (в соавторстве с Л.В. Гараниной и О.А. Пеньковой, авторское участие — 33 % — 0,02 п.л.)

11. Панкратов А.В. Индивидуальная система деятельности и когнитивные структуры профессионала // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара. — Таллин: Изд-во ТПИ 1986. — С. 184-187. — 0,12 п.л.

12. Панкратов А.В. Теоретические предпосылки изучения профессиональной деятельности с выраженным мыслительным компонентом // Проблемы психологического анализа деятельности. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1986. — С. 61-77. — (в соавторстве с Ю.К. Корниловым, авторское участие — 50 % — 0,55 п.л.)

13. Панкратов А.В. Особенности познавательной регуляции индивидуальной системы деятельности руководителя // Мышление. Общение. Практика. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1986. — С. 36-46. — 0,68 п.л.

14. Панкратов А.В. О психологических предпосылках успешности деятельности руководителя // Материалы Новосибирской конференции по психологии управления. — Новосибирск, 1987 — 0,06 п.л.

15. Панкратов А.В. К вопросу о методах выявления психологических предпосылок успешности деятельности руководителя // Социальные и пси-

хологические проблемы активизации человеческого фактора в народном хозяйстве. Тезисы докладов всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 29 сентября – 1 октября 1987 г. Часть I. — М., 1987. — 0,06 п.л.

16. Панкратов А.В. Развитие познавательных образований в ходе профессионализации руководителя // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. — М., 1989. — 0,06 п.л.

17. Панкратов А.В. Использование интервью для изучения мышления в производственной деятельности // Методы исследования мышления и общения в производственной деятельности. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1989. — С. 55-63. — 0,46 п.л.

18. Панкратов А.В. К проблеме методов исследования мышления в практической деятельности // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1990. — С. 107-117. — 0,60 п.л.

19. Панкратов А.В. Динамика познавательных образований в ходе профессионализации руководителя // Практическое мышление: функционирование и развитие — М.: изд-во ИП АН, 1990, . — С. 127-135. — 0,45 п.л.

20. Панкратов А.В. Деятельность и практическое мышление // III Международный конгресс «Теория деятельности и социальная практика.» Сборник тезисов. — М., 1995. — 166 с. — С. 63-64. — (в соавторстве с Ю.К. Корниловым, авторское участие — 50 % — 0,03 п.л.)

21. Панкратов А.В. Особенности мышления в ходе профессионализации руководителя // Ежегодник Российского психологического общества. Том 2, выпуск 3. — М., 1996. — 0,06 п.л.

22. Панкратов А.В. Практическое мышление как высшая психическая функция // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1997. — С. 9-20. — (в соавторстве с Ю.К. Корниловым, авторское участие — 50 % — 0,30 п.л.)

23. Панкратов А.В. Субъектность как одно из свойств обобщений практического мышления // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний. — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1997. — С. 98-126. — 1,55 п.л.

24. Панкратов А.В. Полиопосредованность обобщений практического мышления // Ежегодник Российского Психологического Общества: Психология и практика, том 4, выпуск 1. — Ярославль, 1998. — С. 133-134 — 0,06 п.л.

25. Панкратов А.В. Практическое мышление: итоги и перспективы // Ежегодник Российского Психологического Общества: Психология и практика, том 4, выпуск 5. — Ярославль, 1998. — С. 220-238. — (в соавторстве с В.А. Мазиловым, авторское участие — 50 % — 0,40 п.л.)

26. Панкратов А.В. Психология практического мышления: прошлое, настоящее, будущее // Практическое мышление и опыт Деп. ИНИОН РАН 21.07.99, № 54889. — С. 107-148. — (в соавторстве с В.А. Мазиловым, авторское участие — 50 % — 1,17 п.л.)

27.Панкратов А.В. Психология практического мышления: опыт исторического анализа // Изучение практического мышления: итоги и перспективы, — Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1999. — С. 99-134 — (в соавторстве с В.А. Мазиловым, авторское участие — 50 % — 1,15 п.л.)

28.Панкратов А.В. Субъектная репрезентация жизненных ситуаций // Мышление практика и практическое мышление. — Ярославль: Медиапресс, 2001. — С. 172-181. — 0,78 п.л.

29.Панкратов А.В. Полиопосредованность в решении задач // Проблемы общей и прикладной психологии. — Ярославль: Аверс пресс, 2001. — (в соавторстве с С.В. Хакиной, авторское участие — 50 % — 0,07 п.л.)

30.Панкратов А.В. Субъектность практического мышления // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления. — М.: изд-во ИП РАН, 2003. — С. 379-382. — 0,15 п.л.

31.Панкратов А.В. Влияние переживания кризисной ситуации на мифологизацию мышления // Наука и образование: тенденции и перспективы их развития. Материалы научно-методической конференции. — Тверь: 2003 — (в соавторстве с А.Л. Барышевой, авторское участие — 50 % — 0,15 п.л.).